

Перевод – Асоскова Валерия, 2024

FamRZ 2024, 568 (издание 7)
Судебная практика

§§ 1507 ГГУ, 105, 343 III, 352с FamFG:
Свидетельство о применении иностранного права в отношении имущественного режима по французскому праву (с примечанием Бергшнайдера, стр. 570)
§§ 1507, предложение 1 и 2 Гражданского кодекса Германии (ГГУ); §§ 105, 343 III, 352с Семейного процессуального кодекса (СПК).

1. Если наследодатель не имел постоянного места жительства в Германии, то для выдачи свидетельства о применении иностранного права в соответствии с § 1507 п. 1 ГГУ компетентен районный суд Шёнеберга на основании §§ 105 и 343 СПК

2. Передача имущества оставшемуся в живых супругу по французскому праву через механизм приращения (анваксии) не является продолжением имущественного режима. Поэтому свидетельство по § 1507 предложение 1 ГГУ выдано быть не может.

*(Краткая справка)
(с примечанием Бергшнайдера, FamRZ 2024, 570)*

Постановление Камерного суда от 4 августа 2023 г. — дело № 19 W 25/23

На следующих основаниях:

I. Заявитель просит выдать свидетельство о применении иностранного права по аналогии с § 1507 п. 2 ГГУ и §§ 354, часть 1, и 352с СПК.

Заявитель — супруг умершей во Франции гражданки Франции, обозначаемой далее как наследодательница. Брак был заключен в 1961 году во Франции. На момент заключения брака оба супруга имели исключительно французское гражданство. Согласно договору, заверенному нотариусом из Франции 22 февраля 2018 года, и переведенному для предоставления в суд, супруги установили для всего своего имущества — настоящего и будущего — режим общего имущества в

соответствии со статьей 1526 Гражданского кодекса Франции (Code civil). В соответствии с пунктом 6.3.b договора, в случае прекращения брака из-за смерти одного из супругов все движимое и недвижимое имущество, входящее в имущественную общность, переходит в полную собственность оставшегося супруга.

Согласно нотариальному акту от 25 ноября 2021 года, представитель заявителя засвидетельствовал его клятву и подал заявление о выдаче свидетельства о праве на наследство. Согласно пункту 3.1 данного акта, заявитель уполномочил своего представителя по своему усмотрению подать заявления на выдачу свидетельства о применении иностранного права, свидетельства о наследовании, а также Европейского свидетельства о наследовании. Согласно пункту 3.2 акта, в наследственном имуществе находится недвижимость в Германии, зарегистрированная в земельной книге округа Р.

10 ноября 2022 года заявитель подал в районный суд Шёнеберга заявление о выдаче свидетельства о применении иностранного права по аналогии с § 1507 п. 2 ГГУ, а также §§ 354, ч. 1, и 352 СПК, подтверждающего его исключительное право на получение имущества как пережившего супруга в соответствии с положениями французского имущественного права (**clause d'attribution au survivant**).

Районный суд в своем распоряжении от 25 октября 2022 года указал, что согласно статье 4 Европейского регламента о наследовании (EuErbVO) он не обладает юрисдикцией. Кроме того, в распоряжении от 14 ноября 2022 года суд указал, что свидетельство согласно § 1507 ГГУ не может быть выдано, так как режим совместно нажитого имущества прекращен (с момента смерти). Никакой лазейки, оправдывающей аналогию, не имеется, поскольку право заявителя на имущество в связи с кончиной наследодательницы может быть доказано иными способами.

Заявитель заявил, что статья 4 EuErbVO неприменима, поскольку выдача свидетельства о применении иностранного

права согласно § 1507 ГГУ регулируется для имущественных прав, а не наследственных. Согласно §§ 352с, 354, 343 ч. 3 СПК, юрисдикция принадлежит суду по наследственным делам. Свидетельство должно быть выдано по аналогии с § 1507 п. 2 ГГУ. Районный суд в своем решении от 11 января 2023 года отклонил заявление, ссылаясь на распоряжение суда от 14 ноября 2022 года.

Заявитель оспаривает этот отказ в апелляции в соответствии с состязательным документом от 14 февраля 2023 года и продолжает рассматривать заявление в первой инстанции...

II.

Жалоба, поданная заявителем на основании §§ 58 и далее СПК, допустима, но по существу остается без удовлетворения.

1. Международная компетенция запрашиваемого суда по делам наследства действительно применима на основании §§ 105, 343 часть 3 СПК.

Компетенция суда члена Европейского Союза в вопросах наследства, которая согласно постановлению Суда Европейского Союза (СЕЮ) от 21 июня 2018 года [FamRZ 2018, 1262, с примечанием *Форнасье*] определяется исключительно в соответствии с Европейским регламентом о наследовании (EuErbVO), в данном случае не применяется, так как вопрос о выдаче запрашиваемого свидетельства о применении иностранного права выходит за рамки действия EuErbVO. Согласно статье 1, пункт 2, литеры d и h, вопросы имущественного режима супругов и передача имущества при смерти супруга исключены из сферы действия EuErbVO.

В данном случае заявитель ходатайствует о выдаче свидетельства о применении французского имущественного права.

Суд разделяет преобладающую точку зрения в немецкой юридической доктрине, согласно которой *clause d'attribution au survivant*, предусмотренная статьей 1526 Гражданского кодекса Франции, относится к имущественному праву (Staudinger/Mankowski, BGB, 2010, ст. 15

EGBGB, п. 331; Staudinger/Dörner, 2007, ст. 25 EGBGB, п. 139; MünchKomm/Dutta, BGB, 6-е изд., ст. 25 EGBGB, п. 155). Эта позиция соответствует и преобладающему мнению во французской доктрине (Merkle, Обязательный разделе имущества и обязательная доля в международном наследственном праве 2008, стр. 436 и далее).

Данный институт применяется при прекращении брака в связи со смертью одного из супругов и предусматривает переход всего имущества к оставшемуся в живых супругу через механизм приращения, что приводит к прекращению имущественного режима (совместно нажитого имущества) в соответствии со ст. 1520 ФГК. Передача имущества происходит в результате имущественного соглашения, а не наследственного права. Поэтому имущество, передаваемое в соответствии с *clause d'attribution au survivant*, не входит в состав наследства (см. Christian Hertel в: Rauscher, Европейское гражданское процессуальное и коллизионное право, 4-е изд., 2016, Anwendungsbereich, п. 27).

Рассуждения Суда Европейского Союза (Суд ЕС) в решении от 1 марта 2018 года по делу C-558/16 *Mahnkopf* [FamRZ 2018, 632, с комментарием *Форнасье*] в отношении наследственно-правовой квалификации доли в соответствии с § 1371 абз. 1 Гражданского кодекса Германии (ГГУ), согласно которым целью данной нормы является определение **размера доли в наследстве**, не могут быть применены в рассматриваемом случае.

Дело в том, что переживший супруг в случае применения *clause d'attribution au survivant* (положения о передаче имущества пережившему супругу) не получает (сто процентной) доли в наследстве, а имущество, находящееся в общем имуществе супругов, полностью переходит в его собственность. Таким образом, состав наследства этим не затрагивается. Кроме того, супруги в данном случае не установили никаких наследственно-правовых положений, в результате чего применяется законный порядок наследования, и вопрос о конкуренции между квалификацией по брачному и наследственному праву не возникает.

Соответственно, при квалификации *clause d'attribution au survivant* как положения семейного права международная юрисдикция также не определяется на основании Регламента ЕС о брачном имуществе (EuGüVO), так как, согласно ст. 1 абз. 2 d и h, правопреемство в случае смерти одного из супругов, а также регистрация прав на недвижимое имущество и их последствия исключены из сферы действия данного регламента.

Кроме того, наследственно-правовая квалификация не вытекает и из того факта, что заявитель требует предоставления свидетельства о применимом иностранном праве по аналогии с § 1507 S. 1 ГГУ. Хотя согласно § 1507 S. 2 ГГУ положения о свидетельстве о праве на наследство применяются по аналогии, основное содержание данной нормы касается выдачи свидетельства о продолжении имущественного режима, а именно режима общей совместной собственности. Это свидетельство в значительной степени необходимо также для подтверждения прав перед земельным кадастром в соответствии с § 35 абз. 2 GBO. Из этого не вытекает связь с материальным наследственным правом, вследствие чего применение Регламента ЕС о наследовании (EuErbVO) также исключается.

Для настоящего дела, таким образом, применение § 105 Закона о производстве по семейным делам и делам добровольной юрисдикции (СПК) в сочетании с § 343 СПК является обоснованным. Международная и локальная подсудность суда, а именно окружного суда Шёнеберг в качестве суда по наследственным делам, вытекает из §§ 105, 343 абз. 3 СПК, так как наследодательница никогда не имела постоянного места жительства в Германии. Суд, по-видимому, также исходил из этого, поскольку свое постановление он обосновал судебным распоряжением от 14 ноября 2022 года.

2. Однако заявление необоснованно.

Заявитель в настоящем случае подает ходатайство о выдаче свидетельства о применимом иностранном праве, которое «подтверждает исключительное приобретение имущества заявителем как пережившим

супругом на основании положения о приросте согласно французскому брачному праву (*clause d'attribution au survivant*)»

а) Применимое к браку имущественное право определяется в соответствии с ст. 229 § 47 абз. 2 п. 2 EGBGB (Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии) по правилам ст. 14 абз. 1 п. 1 и ст. 15 абз. 1 EGBGB в редакции, действовавшей ранее, поскольку временная сфера применения ст. 69 Abs. 3 EuGüVO (Регламента ЕС о брачном имуществе) не распространяется на данный случай из-за заключения брака в 1961 году.

Так как на момент заключения брака оба супруга были французскими гражданами, их имущественные отношения регулируются **французским семейным правом**, если французские нормы международного частного права допускают применение национального права. До 1 сентября 1992 года французское право определяло применимое право на основании места первого совместного проживания супругов (см. Дёберейнер, в: Süß/Ring, Наследственное право в Европе, 4-е издание, 2021, отчет по Франции, Rz. 125 и далее).

Что касается вопроса о том, где супруги имели свое первое общее место жительства, заявитель по этому поводу не представил никаких сведений. Однако дополнительные расследования по этому вопросу не требуются. Поскольку даже при предположении, что первое общее место жительства супругов находилось во Франции, и, следовательно, применимо французское брачное право, ходатайство отклоняется по следующим причинам.

б) Заявитель обосновывает свое требование ссылкой на аналогичное применение § 1507 предложение 2 ГГУ в сочетании с §§ 352с ч. 1 и 354 ч. 1 СПК, которые предусматривают право суда по делам наследства выдавать свидетельство о продолжении имущественного режима по заявлению заинтересованного лица.

Согласно § 354 ч. 1 СПК, при выдаче свидетельства о продолжении имущественного режима в соответствии с § 1507 предложение 1 ГГУ применяются

положения § 352с СПК. Этот параграф регулирует выдачу ограниченного по предмету свидетельства о наследстве в случаях, когда в составе наследственного имущества находятся отдельные объекты, расположенные в Германии. § 352с ч. 1 СПК допускает также выдачу **свидетельства о наследстве по иностранному праву (Fremdrechtserbschein)**.

Однако, независимо от того, соответствует ли заявление заявителя формальным требованиям для выдачи такого свидетельства (см. *Hausch* в:

Herberger/Martinek/Rüßmann/Weth/Würdinger, jurisPK-BGB, 10-е изд., § 1507, актуально на 15 ноября 2022 года, п. 4), в данном случае выдача запрашиваемого свидетельства о применении иностранного права невозможна.

Хотя теоретически выдача свидетельства о продолжении имущественного режима по иностранному праву в соответствии с § 1507 предложение 2 ГГУ в сочетании с §§ 352с часть 1 и 354 часть 1 СПК не исключена, практическое применение данной нормы требует соблюдения ряда условий.

В частности, допустимость выдачи свидетельства по иностранному праву предполагает, что указанные в свидетельстве правовые институты и обстоятельства должны быть **совместимы с оценками немецкого права, позволяющими их регистрацию**. Для этого требуется проведение проверки «эквивалентности» правовых норм (см. *OLG Düsseldorf*, решение от 23 декабря 2019 года — I-3 Wх 86/19, *FamRZ* 2020, 1040; *MünchKomm/Grziwotz, FamFG*, 3-е изд., 2019, § 352с, п. 28). Суд признал допустимость выдачи свидетельства о продолжении имущественного режима общей совместной собственности на основании иностранного права, ограниченного объектом, находящимся в Германии, при условии его точного указания (см. подробно *OLG Düsseldorf*, а. а. О., *Rz.* 15 и далее).

Однако для выдачи такого свидетельства необходимо, чтобы упоминались только те институты и обстоятельства, которые известны немецкому праву и соответствуют его ценностям, то есть подлежат регистрации. Для этого требуется соответствующая

"проверка эквивалентности" (*Gleichwertigkeitsprüfung*) (см. *OLG Düsseldorf, а. а. О., Rz.* 29; *MünchKomm/Grziwotz, FamFG*, 3-е изд. 2019, § 352с *Rz.* 28). Сам заявитель, исходя из обоснования своей жалобы, также соглашается с необходимостью проверки сопоставимости институтов иностранного и немецкого права.

В данном случае этого условия не соблюдено.

Предметом настоящего заявления является не продолжение имущественного режима общей совместной собственности, а **подтверждение исключительного приобретения имущества заявителем как пережившим супругом**. Немецкое право предусматривает только подтверждение продолжения имущественного режима общей совместной собственности, тогда как институт прироста (*Anwachsung*) является чуждым для немецкого брачного права. Соответственно, проверка сопоставимости немецкого и иностранного правовых порядков изначально исключается.

(Иного мнения, по-видимому, придерживается *Людвиг*, в:

Herberger/Martinek/Rüßmann/Weth/Würdinger, jurisPK-BGB, 9-е изд., Art. 15 EGBGB, состояние на 1.3.2020, *Rz.* 89; тот же автор по Art. 25, 26 EGBGB *Rz.* 434, оба случая с отсылкой к положениям о свидетельстве о праве на наследство, однако без рассмотрения вопроса сопоставимости институтов иностранного и немецкого брачного права).

Насколько заявитель ссылается на аналогичное применение § 1507 S. 2 BGB в сочетании с § 354 Abs. 1 и § 352с Abs. 1 FamFG, для этого отсутствуют предпосылки аналогии. Для применения аналогии требуется, чтобы в законе имелся незапланированный пробел в регулировании, а рассматриваемый случай был настолько схож с ситуацией, урегулированной законодателем, что можно предположить, что при аналогичной оценке интересов законодатель пришел бы к такому же результату (см. постановление Федерального суда Германии от 27.6.2018 – IV ZR 222/16 –, *BGHZ* 219, 142, 155 *Rz.* 23 = *FamRZ* 2018, 1363). Эти условия соблюдены лишь в указанном объеме.

В данном случае неумышленного пробела в правовом регулировании нет, поскольку институт прироста (*Anwachsung*) отсутствует в немецком брачном праве, и это не является упущением законодателя.

Насколько заявитель утверждает, что выдача свидетельства о применимом иностранном праве обязательна в данном случае, так как иначе невозможно доказать его правопреемство в отношении находящихся в Германии земельных участков перед земельным реестром, это утверждение неубедительно. Сложности с доказыванием перехода права собственности по иностранному праву, которые могут возникнуть перед земельным реестром, хотя и могут обосновать наличие пробела в регулировании, но не свидетельствуют о об отсутствии умысла у законодателя.

Аналогичное применение § 1507 S. 2 BGB в сочетании с § 352с абз. 1 FamFG требует, кроме того, чтобы иностранный и немецкий правопорядки преследовали одну и ту же цель, основывались на схожих предпосылках и были в достаточной степени сопоставимы (см. *OLG Düsseldorf*, а. а. О.). Однако проверка сравнимости между иностранной нормой и несуществующей в немецком праве нормой изначально невозможна. Сравнение с нормой, применяемой только в аналогии, логически противоречиво.

Кроме того, какое именно доказательство земельный реестр в Германии сочтет необходимым для подтверждения правопреемства в рамках исправления земельного реестра, не может быть окончательно определено ни судом по наследственным делам, ни апелляционной инстанцией, а находится в компетенции самого **земельного кадастра**.

Заявитель, в любом случае, может подать заявку на получение Европейского свидетельства о праве на наследство в соответствии с положениями EuErbVO. Согласно ст. 68 h EuErbVO, свидетельство включает, если это необходимо для его целей, информацию о брачном договоре, заключенном наследодателем, и о брачном имущественном режиме. Указание на имущественный режим имеет важное, по

крайней мере, информационное значение, так как определяет, какие объекты вообще входят в состав наследства (см. Dutta/Weber/Fornasier, *Internationales Erbrecht*, 2-е изд., 2021, EuErbVO, Art. 68, Rz. 9).

Допущение подачи правовой жалобы основано на § 70 Abs. 2 S. 1 Nr. 1 FamFG. Дело имеет принципиальное значение и поднимает вопрос, требующий разъяснения, относительно применения § 1507 S. 1 BGB к ст. 1526 ФГК. Этот случай также не является единичным, а охватывает неопределенное количество случаев, которые регулярно возникают в трансграничных правовых отношениях между Францией и Германией.

Примечание редакции: Допущенная правовая жалоба была подана (BGH, XII ZB 404/23).

Заключение

Этот непростой для восприятия вывод по довольно узкому юридическому вопросу основан на следующей фактической ситуации:

Супруги, оба граждане Франции, заключили брак во Франции в 1961 году. В нотариально заверенном договоре, заключенном во Франции 22 февраля 2018 года, они согласились на «имущественный режим общей собственности в соответствии со ст. 1526 Французского гражданского кодекса». Согласно договору, при расторжении брака в результате смерти одного из супругов все движимое и недвижимое имущество, входящее в общую собственность, полностью переходит оставшемуся в живых супругу. После смерти супруги муж подал в областной суд Шёнеберга запрос на выдачу свидетельства о применимом иностранном праве по аналогии с § 1507 S. 2 ГГУ в сочетании с §§ 354 абз. 1 и 352с FamFG. Стоимость земельных участков, расположенных в Германии, муж оценил в 460 000 евро.

Каммергерихт вначале установил, что международная юрисдикция суда Шёнеберга в данном случае присутствует в соответствии с §§ 105 и 343 абз. 3 FamFG. В обосновании также отмечено, что применяемая «клаузула прироста» (*clause d'attribution au survivant*)

квалифицируется как имущественно-правовое положение, поэтому вопросы брачного имущественного режима не подпадают под действие Регламента ЕС о наследовании (EuErbVO). KG, ссылаясь на соответствующую литературу, также обоснованно указал, что в данном случае брачный имущественный режим регулируется французским правом.

Особое значение данного постановления заключается в рассмотрении вопроса, применима ли норма § 1507 S. 1 ГГУ к ст. 1526 Французского гражданского кодекса, то есть могут ли доказательства о брачных имущественных режимах по иностранному праву иметь значение для правовых отношений в Германии. Важно отметить, что немецкое право предусматривает только доказательство продолжения режима общей собственности, как это указано в § 1507 BGB. Однако институт прироста, существующий во французском праве, отсутствует в немецком имущественном праве.

Заявление мужа о выдаче свидетельства о применении иностранного права касается не продолжения режима общей собственности, а именно прироста. Возникает вопрос, возможно ли хотя бы аналогичное применение § 1507 S. 2 ГГУ в сочетании с §§ 354 абз. 1 и 352с абз. 1 FamFG, то есть продолжение (немецкой) общей собственности на (французский) прирост. KG установил, что отсутствуют предпосылки для аналогии. Как известно, аналогия предполагает наличие непреднамеренного пробела в законе и схожесть рассматриваемого случая с предусмотренным законодателем, что привело бы к аналогичному результату при оценке интересов.

По мнению KG, в данном случае пробела в регулировании нет, так как институт прироста отсутствует в немецком праве, и это не является упущением законодателя. Кроме того, проверка сопоставимости между иностранным и немецким правом, а именно цели и предпосылок, не может быть проведена, поскольку иностранное право содержит положение, не имеющее аналога в немецком праве. Однако KG не рассматривает вопрос о возможности аналогии с исторической точки зрения. Следует отметить,

что § 1507 ГГУ был включен в изначальную редакцию ГГУ, когда режим общей собственности имел гораздо большее значение, чем сегодня, когда эта норма стала практически нефункциональной (см. *Schäuble*, BWNotZ 2023, 182).

KG также отметил, что не имеет значения, какие требования к доказательствам предъявляет земельный реестр. Это находится в компетенции самого реестра.

Таким образом, свидетельство о применении иностранного права по § 1507 S. 2 ГГУ выдано не было.

*Адвокат и специалист по семейному праву
Доктор Людвиг Бергингайдер, Мюнхен
№ 250 KG – BGB § 1507 S. 1, 1507 S. 2; FamFG
§§ 105, 343 III, 352с (19-й суд постановление
от 4.8.2023 – 19 W 25/23)*

